

УДК 316.334

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

А.В. Верещагина

Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных
и социальных наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

anrietta25@mail.ru

Аннотация: В статье проведен ретроспективный анализ трансформации формальных норм и правил, ограничивающих семейные отношения в российском обществе и отражающих эволюцию политики российского государства в сфере семейно-брачных отношений, направленной на закрепление патриархальных основ семейных отношений и экономической зависимости женщин, несмотря на достаточно прогрессивные, но во многом декларативные, нормативно-правовые акты и законопроекты.

Annotation: In the article it was made a retrospective analysis of transformation of formal standards and rules which are restricting family relations in Russian society and reflecting evolution of Russian state policy, directed to fixation of patriarchal basis of family relations and economic dependence of women, despite of progressive enough but declarative in many respects normative legal documents and bills.

Ключевые слова: семья, модель семьи, семейно-брачная сфера, государственная семейная политика, культ матери, неоматриархат.

Key words: family, pattern of family, family-marriage sphere, state family policy, cult of mother, neo-matriarchy

Современная семья в России, ее смысл и функции претерпели существенное изменение, что позволяет говорить о том, что происходит трансформация института семьи в современном российском социуме, т.е., опираясь на теорию Д. Норта, его формальных и неформальных ограничений. Важно, что формальные правила, как отмечает Д. Норт, могут быть изменены государством, а неформальные ограничения изменяются медленно (<http://www.finansy.ru/publ/north.htm>).

Институт семьи в российском обществе и его развитие характеризуются неоднократным вмешательством государства в частную жизнь его граждан, что само по себе представляется вполне закономерным процессом регулирования семейных отношений, однако, характер этого вмешательства не всегда имеет логическую последовательность и обусловленность, а также не всегда вносит соответствие сложившимся традициям и нормам в сфере семейно-брачных отношений общества. Более того, оно было направлено на их изменение в соответствии с провозглашением новой идеологии развития общества. Проводимые «сверху» реформы со временем возымели свое действие. Цель данной статьи показать особенности процесса трансформации семьи в России на современном этапе на примере семьи русского населения.

Достаточно глубокий анализ того, как формировалась модель семьи у русского населения на протяжении развития российского общества в переломные периоды, дан в статье Шанталь Курильски-Ожвен «Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи» (Шанталь Курильски-Ожвен, 1995. С. 155–168). Исследователь отмечает, что модель русской семьи складывалась на основе трех составляющих: культурной модели общества, религиозной модели и правовой модели. Реформирование русской семьи прошло три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский, который еще не завершен и его контуры не совсем ясны. Особый интерес представляет эволюция семейных отношений в структуре семейно-брачных отношений в сравнении русской патриархальной семьей, которая эволюционировала по направлению

формирования эгалитарной семьи. Процесс формального оформления эгалитарной семьи завершился с принятием в 1993 г. новой Конституции России, в которой было провозглашено равенство мужа и жены в семье и перед государством, а также семейно-брачных прав и обязанностей.

Основной чертой русской культурной модели, которая являлась основой семейной модели, являлось «семейное родство» и «острое чувство человеческого гнезда», «инстинкт родства», что сильно отличало западную модель семьи от русской (*Шанталь Курильски-Ожвен*, 1995. С. 156). При этом именно единство рода выступало более важным, чем сама личность, которая растворялась и поглощалась родом. Материнство и семья выступали важными чертами русской культурной модели, что в совокупности с другими особенностями (мужские и женские роли не так четко и твердо определены, как на Западе. Присутствие известной степени солидарности в распределении разных работ; наличие свободных семейных союзов, не оформленных официально, как в крестьянской среде, так и в среде интеллигенции, возможность развода, хоть и осложненная различными процедурами; раздельное имущество супругов, большое значение ценности любви и духовности в системе семейных отношений) позволило ученым сделать вывод о том, что русский патриархат нельзя назвать классическим патриархатом, который отличал систему организации семейно-брачных отношений на Западе, с чем исследователи и связывают достаточно сложную борьбу по уравниванию прав между полами, протекавшую на Западе. В среде же интеллигенции развитие эгалитаризма в семейной сфере имело место в достаточно высокой степени, как считает Шанталь Курильски-Ожвен, хотя существует и иное мнение.

В частности, М.В. Рабжаева полагает, что внутрисемейные отношения, основанные на патриархальных принципах, во многом сохраняли традиционные черты к началу XX в., в том числе, среди дворянства и интеллигенции, и даже среди образованных людей. Индивидуализм, соблюдение частного пространства личности не были распространенной практикой (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 90). Патриархат российского общества имел свои существенные особенности, проявляющиеся, прежде всего, в культе матери.

Култ матери и материнства в русской культуре тесно связан с православием, наиболее характерными элементами ценностной системы которого являются аффективные ценности: любовь, милосердие, смирение, сострадание, раскаяние, которые определяются Н. Бердяевым, как женские ценности, которые характеризуют и национальный темперамент и менталитет (*Шанталь Курильски-Ожвен*, 1995. С. 160).

Таким образом, материнство является основной категорией религиозной символики русского народа, а, следовательно, и его культурной и семейной модели, что при формальном, закреплённом на правовом уровне патриархате, создавало определенный баланс женской и мужской символики, женственности и мужественности в русской модели, в то время, как на Западе доминировала символика отцовства. Определяющая роль и влияние религии на сознание русского народа и его поведение во всех сферах жизни и, прежде всего, семейно-брачной, делала роль гражданского права не столь заметной и важной в процессе регулирования социальных и семейных отношений, а порой его эффективность рассматривалась весьма скептически, как отмечает Г.Ф. Шершеневич (См: *Шанталь Курильски-Ожвен*, 1995. С. 162). Логика размышлений Г.Ф. Шершеневича сводилась к тому, что право в России и реальность не пересекались, так как сильный разрыв между простым народом и высшим слоем общества не позволял создать семейное право, соответствующее мировоззрению и обычаям различных сторон. Более того, если юридические нормы совпадали с этическими, то необходимость в них отпадала, если же нет, то ввиду замкнутости семейных отношений и их укорененности в микросреде борьба этих норм была неравной и они благополучно обходились и нарушались. И сейчас складывается похожая ситуация. Многие из нуждающихся женщин, имеющие право на алименты и детские пособия, не обращаются в госструктуры (*Гурко Т.А.*, 2008. С. 110–119), так как эффективность их деятельности и реальной помощи не перекрывает затрат на прилагаемые при этом усилия. По данным российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в 2005 г. только менее трети разведенных женщин получали алименты на ребенка (в 1992 г. – 47%), что является следствием несовершенства законодательства РФ (*Гурко Т.А.*, 2008. С. 13).

Такая же ситуация была характерна для современной России и в других сферах жизнедеятельности, в которых нормы и законы не соответствовали реальности. Критерием нормы и права в таких случаях выступала мораль и обычное право, что позволяло на уровне общественности оправдывать антиправовые с правовой точки зрения поступки. Как показывает практика, принимаемые в современном российском государстве нормы и законы, не имеющие

связи с реальностью, не приносят никакой пользы. Если они противоречат сложившимся в обществе устоям и нормам поведения, то их обходят, нарушают, что оправдывается населением. Это четко просматривается на примере соотношения эгалитарной модели семьи, обозначенной в Конституции РФ, и реального поведения мужчин и женщин в семье, где фиксируется рост семейного насилия и нарушения прав ребенка. Подтверждением этого является несоблюдение прав ребенка, защита которых провозглашена и закреплена в Семейном кодексе РФ. По данным И.Ф. Дементьевой, ежегодно в результате семейных ссор совершается около 791 тыс. преступлений между родственниками, в которых 21% пострадавших – дети, а за годы реформ стало распространенным явлением бегство детей из дома. Ежегодно около 2 млн. российских детей жестоко избиваются родителями, каждый десятый ребенок погибает; 2 тыс. несовершеннолетних заканчивают жизнь самоубийством (*Дементьева И.Ф.*, 2008. С. 107).

Вопрос о защите прав ребенка в современной России стоит очень остро, на что также указывают данные о бесчеловечном поведении приемных родителей со своими подопечными: за 15 лет, начиная с 1991 г., в России погибло 1,22 тыс. усыновленных российскими гражданами детей, из них 12 человек были убиты своими усыновителями (*Семенова А.* Год семьи принес больше радости чиновникам, чем родителям и детям <http://www.chaskor.ru/p.php?id=2326>). Е.А. Шохина также отмечает, что причины неблагополучия семьи, и, в частности, детей в российской семье, лежат в основном в плоскости несовершенства законодательной базы: часть законов устарела и не соответствует реальной ситуации; законодательно закреплённые алиментные обязательства родителей при разводе не выполняются, подходы к реализации этой нормы закона не отработаны; при решении жилищных споров закон исходит из защиты прав собственника, а не жилищных прав несовершеннолетнего; размеры ежемесячных детских пособий крайне низки по сравнению с величиной прожиточного минимума и т.д. (*Шохина Е.А.*, 2009. С. 17).

Возвращаясь к истокам формирования русской модели семьи, подчеркнем, что она представляла собой некий неоклассический патриархат, в основе которого присутствовало сильное переплетение символики женского и мужского с определяющим культом материнства. Эта особенность была перенесена и в семейную модель советского общества, в котором, согласно Конституциям 1936, 1944 и 1977 гг. особо подчеркивалась и закреплялась роль матери в контексте ее воспроизводственной и воспитательной функций, что способствовало укреплению института материнской семьи или семьи материнского типа.

Такая политика не способствовала развитию отцовства как феномена семейной жизни, а всё воспитание молодого поколения всецело возлагалось на мать. Л.Н. Денисова отмечает, что начиная с 1917 г., когда в России было провозглашено равенство мужчин и женщин, и в течение XX в. шел поиск путей его реализации, при этом главным моментом фактического равноправия женщины в рамках советской идеологии, являлось ее участие в общественном труде (*Денисова Л.Н.*, 2007. С. 382). Однако, традиционная занятость женщины (ведение домашнего хозяйства и воспитание детей) так и осталась на женских плечах, и в результате равноправие обернулось для женщины тройной нагрузкой.

С.В. Дармодехин, касаясь советской социальной политики в отношении института семьи, отмечает ее ограниченность, бессистемность, отсутствие учета институциональных интересов семьи (*Дармодехин С.В.*, 2000. С. 3). Унаследовав прежний патриархальный стиль семейных отношений в России, хоть и специфичный, советская власть стремительно стала его модернизировать, при этом сохраняя его базовую основу – культ материнства, но при доминировании мужского начала как главы семьи, прежде всего, в экономическом плане.

Формирование за небольшие по историческим меркам сроки семьи «советского» типа с характерными чертами говорит о том, что формальные правила нового советского государства удачно «вплелись» в институциональную модель российской семьи.

В семейной политике советского государства, оказавшей сильное влияние на семейные отношения, исследователями выделяется три периода: 1) 1917 г. – середина 20-х гг.; 2) середина 20-х гг. – середина 50-х гг.; 3) 1954 – 1991 гг. (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 91–95). Для первого периода характерна либерализация семейного законодательства и легитимизация ряда запрещенных в дореволюционной России индивидуальных прав и свобод. Вообще по своему содержанию социальная политика советского государства была на тот период самой прогрессивной с учетом формального провозглашения равенства женщин и мужчин во всех сферах жизни, утверждения единой гражданской процедуры регистрации брака и облегчения процедуры развода, а также легализации искусственного прерывания беременности, что

способствовало женской эмансипации и утверждению ее права контролировать и планировать рождаемость.

Вместе с тем, прогрессивность во многом оказалась декларативной, так как женщина при всех правах, возможностях и равноправии оставалась экономически зависимой от мужчины, а после развода женщина с несовершеннолетними детьми вела нищенское существование (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 91). Этому способствовал также закон о раздельном владении супругами имуществом, не оставлявшим женщинам после развода права на семейное имущество, нажитое мужем во время брака. Поскольку подавляющее большинство советских женщин в 20-е гг. не работали, они находились в сильной экономической зависимости от мужей, что сводило на «нет» всё прогрессивное законодательство тех лет. Таким образом, формальные правила, принятые на уровне государства в первые годы советской власти, совершенно не имели реального применения, и женщина как находилась под властью мужа, так и осталась под ней.

Только в 1926 г. в рамках Кодекса о браке, семье и опеке вышел закон об общности совместно нажитого супругами имущества. Кроме того, процедура развода была еще более упрощена – развод производился в ЗАГСе, и было достаточно одностороннего заявления. Но при этом государство, так и не создало для женщины условий, при которых она, будучи разведенной, была бы в состоянии сама материально обеспечить детей. Ответственность за их физическое и духовное воспитание полностью ложилось на плечи женщины.

В первое десятилетие советской власти отмечается большое разнообразие форм семейной жизни (гражданские браки, однополые союзы) (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 91–95), что заставляет обратить внимание на повторяемость явлений, связанных с эпохой кардинальных социальных перемен. Именно поэтому второй период семейной политики советского государства ознаменовался сворачиванием либеральных и прогрессивных законопроектов относительно семейных отношений, что проявилось в усложнении бракоразводного процесса, запрете искусственного прерывания беременности и его проведения для определенной категории женщин, в введении платы за его проведение и уголовной ответственности за нарушение запрета для самой женщины и лиц, участвовавших в этом. Репрессивная политика советского государства в отношении семьи связана была, по всей видимости, с необходимостью стабилизации института семьи как оплота стабильности молодого советского государства, как основного агента социализации и воспитания личности нового, советского типа. Именно в этот период происходит институционализация детоцентристской семьи (См.: *Голод С.И., Клецин А.А.*, 1994), и в обществе стал постепенно утверждаться иной тип репродуктивного поведения, связанный с сокращением рождаемости и переходом к малодетной семье.

Культ матери стал вновь превозноситься, что, вероятно, было связано также со стремлением поднять уровень рождаемости. Государство активизирует свою работу в области поддержки материнства, детства, оказывая существенную поддержку одиноким матерям и беременным женщинам, но при этом оно целенаправленно формирует новый высокий статус семьи и семейных отношений. Правовое значение получили только официально зарегистрированные браки. Ужесточалась процедура развода, а дети, рожденные вне брака получали статус незаконнорожденных, их усыновление запрещалось. Женщина несла ответственность за рожденного вне брака ребенка сама, так как он не имел права носить фамилию отца. Формально ребенок его не имел, так как в свидетельстве о его рождении в графе «отец» ставился прочерк, даже если отец и хотел его усыновить.

Соответственно, и материальная ответственность за обеспечение ребенка ложилась на женщину, которой частично помогало государство (пособие в размере 5 руб. в месяц), а отец был освобожден от этого. Очевидно, что женщина ставилась в зависимость от мужчины, уже даже не только на экономическом, но и эмоциональном уровне. В данных условиях, на основе жестких формальных норм и правил в обществе стали формироваться семейные устои, первоначальная вынужденность соблюдения которых со временем превратилась в социально одобряемые и приемлемые нормы семейного поведения.

Только после 1953 г. наблюдается смягчение государственной политики в отношении семьи, что коснулось и законодательства об искусственном прерывании беременности и поддержке материнства (увеличение отпуска по уходу за ребенком, введение оплаты больничного листа по уходу за заболевшим ребенком). А с 1969 г. начинается новый этап либерализации семейного законодательства с принятием Кодекса о браке и семье. В соответствии с новым законодательством упрощалась процедура развода, признавалось право усыновления внебрачного ребенка в добровольном и принудительном (судебном) порядке, регулировались алиментные

отношения, подтверждался режим общей собственности для супругов. В дальнейшем правительство в целях материальной поддержки материнства и детства, увеличило частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до одного года, затем до 1,5 лет и до 3-х лет отпуск без содержания, но с сохранением рабочего стажа и рабочего места (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 94).

В результате столь демократичных мер в отношении женщины, в контексте охраны и поддержки материнства и детства государство стало более надежной опорой женщины-матери, чем муж. При материальной поддержке женщин-матерей со стороны государства и отсутствии закрепленной за мужчинами воспитательной функции детей их роль отца и главы семьи оставалась лишь формальной. Исследователи делают вывод о том, что при сохранении гендерной асимметрии в советской семье, основной фигурой в советской семье, как и в дореволюционный период, была мать (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 91–95).

В экономически жестких, крайне неблагоприятных условиях эпохи реформирования на постсоветском пространстве женщины, благодаря своему статусу, смогли наиболее удачно и успешно адаптироваться, и поднять свои семьи. Если в советское время формально главой семьи оставался мужчина, после распада СССР и последовавшему кризису во всех сферах жизнедеятельности государства именно женщины смогли вынести все тяготы непростой жизни в стране, найти новые области применения своего труда (бизнес, мелкая торговля, открытие небольших мастерских, салонов по обслуживанию населения, магазинов и т.д.). Следует особо отметить, что сущность, неэффективность материальной поддержки со стороны государства материнству и детству на современном этапе призваны вновь «загнать» женщину в лоно семьи, независимо от ее желания. Женщина с детьми не в состоянии самостоятельно обеспечить семью (себя и детей) без мужа, так как помощь государства материнству очень мала (*Гурко Т.А.*, 2008. С. 111). Даже невозможно реально представить, насколько увеличился бы процент неполных семей в России, если бы женщины с детьми обрели экономическую свободу и независимость от мужей.

Тем не менее, женщины научились адаптироваться к сложным условиям развития российского общества. Осторожность, которую проявляют женщины в условиях экономического кризиса, планируя свое репродуктивное поведение, рождение первого ребенка, отдавая предпочтение профессиональной карьере, является, в том числе, механизмом определенной стратегии социальной адаптации или, правильнее сказать, репродуктивной адаптации женщин к жестким социально-экономическим условиям. В условиях «дикого» капиталистического мира понятия «материнство», «детство» и «старость» перестали носить значимый характер для властных структур российского государства, демонстрирующего имитацию семейной, демографической, молодежной политики вместо принятия реальных мер в области воспитания молодежи, поддержки семьи, материнства, детства и старости.

Говорить о несовершенстве и низкой эффективности государственной политики и, в целом, формальности норм по регулированию семейных отношений и их стабилизации на современном этапе сложно. Государственная семейная политика современной России пестрит принятыми актами, указами и законопроектами, отправным пунктом которых принято считать Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики», который впервые придал, по мнению исследователей, государственный статус семейной политике в России (*Белобородов И.И.*, 2008. С. 23). Е. Жилинский обращает внимание на необходимость создания нормальных экономических условий для динамичного и стабильного развития семьи, и особо – на немаловажные факторы, способные повлиять на репродуктивное поведение женщин и, соответственно, изменение демографической ситуации. К ним автор относит необходимость защиты женщин от дискриминации в трудовых отношениях, а также создание условий для их успешной интеграции в трудовой процесс после рождения ребенка, что предполагает создание гибкого рабочего графика, надомного труда, сокращенного рабочего дня, дополнительных рабочих мест и обеспечение безопасности трудовых условий (*Жилинский Е.В.*, 2008. С. 8).

Нам представляется, что необходимо обратить внимание на роль семьи в духовной эволюции современного общества. Современная семья, оказавшись в свободном от государственной опеки и поддержки состоянии, вынуждена выбирать логику развития и пути адаптации в социально несправедливом пространстве России самостоятельно, причем, по всей видимости, длительный период.

Анализ трансформации формальных норм и правил, ограничивающих семейные отношения, показал их преимущественную декларативность, что, при всем прогрессивном и демократичном

советском, а затем и постсоветском семейном законодательстве, не давало женщине возможности реализации личных семейных стратегий в условиях экономической зависимости от мужа.

Таким образом, в обществе, имевшем прогрессивное семейное законодательство, неформальные нормы в большей степени регулировали сферу семейных отношений, нежели формальные до тех пор, пока в конце 70-х – начале 80-х гг. формальные правила не приобрели реальную силу. И вслед за этим произошло достаточно быстрое изменение облика советской семьи, ее структуры и сущности. В результате материнская сущность семьи еще в большей степени укрепилась, что соответствует институциональной природе российской семьи, в основе которой всегда был культ матери. Этот факт следует рассматривать как значимый фактор изменения не только вектора семейного развития, в котором патриархальные традиционные семейные установки постепенно заменяются эгалитарными, но и общественного в целом, так как трансформация патриархального типа отношений в семье не может не отразиться на общественных отношениях, в которых культ мужского или маскулинного, традиционно характерный для России и особенно ее отдельных национальных регионов, постепенно сменяется феминным культом. Процесс этот очень длителен, но его поступательность и устойчивая векторность не вызывает у нас сомнений ввиду явных тенденций феминизации общества как результата роста социальной субъектности женщины, а также максимизации материнского воспитания в системе семейного воспитания (по объективной причине роста неполных семей, матерей-одиночек).

ЛИТЕРАТУРА

Белобородов И.И. Правовые аспекты современной семейно-демографической политики в Российской Федерации // *Власть*. 2008. № 6. С. 22–27.

Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. СПб., 1994. – 43 с.

Гурко Т.А. Алименты; фактор качественного и количественного воспроизводства населения // *Социологические исследования*. 2008. № 9. С. 110–120.

Гурко Т.А. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // *Власть*. 2008. № 6. С. 10–15.

Дармодехин С.В. Семья и государство // *Мониторинг социально-экономического потенциала семей*. 2000. № 3. С. 131–136.

Дементьева И.Ф. Социальное самочувствие семьи // *Социологические исследования*. 2008. № 9. С. 102–109.

Денисова Л.Н. Русская крестьянка в XX веке // *Гендер и общество в истории* / Под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб.: Алетей, 2007. С. 382–405.

Жилинский Е.В. Социально-экономические аспекты демографической политики России // *Власть*. 2008. № 6. С. 3–9.

Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // *Социологические исследования*. 2004. № 6. С. 101–107.

Семенова А. Год семьи принес больше радости чиновникам, чем родителям и детям // <http://www.chaskor.ru/p.php?id=2326>

Шанталь Курильски-Ожвен Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // *Общественные науки и современность*. 1995. № 5. С. 155–168.

Шохина Е.А. Политические аспекты социальной защиты семьи и охраны детства в Российской Федерации. Автореферат дис... канд. полит. наук. М., 2009. 21с.